

АРХИВ ДЕТСКОЙ ПСИХИАТРИИ, ПСИХОЛОГИИ, СОЦИАЛЬНОЙ И КОРРЕКЦИОННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Архив психиатрии и нервных заболеваний (1944), 117, стр. 76-136³

(Из Венской университетской детской клиники)

«АУТИСТИЧЕСКИЕ ПСИХОПАТЫ» В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

Доц. доктор Ханс Аспергер, руководитель Лечебно-педагогического
отделения. (Поступила 8 октября 1943.)

Перевод А.В. Челиковой.

Научное редактирование А.А. Северного

Эрнст К.

Мальчик семи с половиной лет также поступил к нам по направлению школы вследствие больших проблем с поведением и трудностей в учебе.

В анамнезе следует подчеркнуть следующее: роды и развитие протекали нормально. Эрнст является единственным ребенком в семье. Он несколько с опозданием начал говорить (первые слова в возрасте полутора лет), долгое время, как говорят родители, он не мог правильно выговаривать слова (лепет), но теперь он говорит очень хорошо, «как взрослый».

Уже в раннем детском возрасте с ним было очень непросто, он не слушался ни уступчивую маму, ни строгого папу. Обычные требования повседневной жизни он практически не выполняет; мама считает, что он очень неловкий, поэтому ему приходится намного труднее, чем другим детям; так, его до сих пор приходится одевать, потому что в одиночку он копается бесконечно и многое делает неправильно, самостоятельно есть он тоже научился совсем недавно, при этом он делает это очень неаккуратно, кругом размазывает еду. Но мама считает, что многое он просто делает назло.

Он никогда не ладил с другими детьми: с ним нельзя была пойти в парк, так как он тотчас же оказывался втянутым в какую-нибудь потасовку, вслепую бил других детей, употреблял грубые бранные слова. С той поры, как он пошел в школу, стало особенно тяжело. На одноклассников он действует, как красная тряпка, на него нападают, над ним смеются, его бьют, и как говорит мать, он совершенно беззащитен. Но он не уходит от контакта с другими детьми — обычно он дает повод к конфликтам; он затевает злобные выходки, щиплет и щекочет других, колет их пером.

Он любит рассказывать фантастические истории, в которых он играет героическую роль, говорит матери, как его перед всем классом хвалил учитель и т.д.

Умен он или нет сказать трудно. Перед тем, как он пошел в школу, все были убеждены, что он будет очень хорошо учиться, так как он делал очень умные замечания, и был очень самобытно наблюдателен; он абсолютно «сам по себе» научился считать до 20, выучил несколько букв. Но в школе он учится очень плохо; хотя он и окончил первый класс (и, как мы убедились, это было ошибочным решением школы), во втором классе, по уверениям учителя, он совершенно не успевает; однако мать полагает, что причина этого в том, что он невнимателен и рассеян. Вместо того чтобы слушать и правильно отвечать, он начинает

³ Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

спорить с учителем, например, о том, как правильно держать перо.

Он вообще склонен всем противоречить, делать замечания, он «очень точен»: некоторые вещи должны лежать на строго определенном месте, происходить определенным образом, иначе он устроит сцену. По словам матери, он в этом очень противоречив: в чем-то он очень небрежен, не может привыкнуть к порядку, а в другом он педантично точен, церемонен и преисполнен сомнений.

Семья. Об *отце* говорят, что он очень нервный и раздражительный человек. По профессии он подмастерье у портного. Мы видели его только однажды, хотя знаем мальчика много лет. Он выглядит довольно странно и представляется одиночкой. Мать неохотно рассказывает об их семейной жизни, но можно понять, что отношения в семье далеко не гармоничны, в первую очередь из-за сложного характера отца.

Мать умная, очень милая женщина, которой в жизни приходится нелегко. Она говорит о себе, что очень нервная, часто страдает головными болями, и очень чувствительна в психическом отношении. Для нее очень тяжело, что ее сын, который, видимо, является смыслом ее жизни, такой странный и всюду терпит неудачи, она старается заступиться за него в школе, ожесточенно сопротивляется его переводу во вспомогательную школу.

Остальные члены семьи, по нашим сведениям, без особенности. Данные на этот счет довольно скудные.

Внешний вид и поведение

Эрнст - мальчик высокого роста (на 12 см выше среднего роста, характерного для детей его возраста), однако очень худой и хрупкого телосложения; осанка плохая, плечи опущены. Лицо красивое, с тонкими чертами, его портят только оттопыренные некрасивые уши. Он очень вазолабилен, когда он смущен или возбужден, на лице появляются четко очерченные красные пятна, на переносице выступают крупные капли пота.

У него очень характерный взгляд, который кажется совершенно потерянным, ни на чем не фиксируется, не охватывает предметы, а обычно устремлен в даль. В первую очередь из-за этого кажется, что мальчик «с неба свалился». И голос очень подходит к его облику. Он говорит высоким голосом, несколько в нос и растягивая слова, как персонаж анекдота про опустившегося дворянина (например, как бессмертный граф Бобби⁴).

Впечатление комичного, карикатурного, которое вызывает уже голос ребенка, усиливает его манера говорить. Мальчик говорит постоянно и когда его не спрашивают, все, что он делает, он сопровождает обстоятельными разъяснениями, обосновывает, почему он делает то или это именно так, а не иначе; все, что он подмечает, он должен незамедлительно сообщить другим, при этом неважно, уместно ли его замечание в данной ситуации или нет. Некоторые из этих замечаний весьма неплохи – и не только потому, что он произносит их, как взрослый, в них зачастую сквозит и хорошая наблюдательность. Но ярким контрастом к этому являются его практические навыки. Он совершенно невосприимчив к простейшим требованиям. Если даже он ежедневно во всех подробностях повторяет вслух последовательность действий при вставании и умывании, он забывает или путает многое из того, что так хорошо разъяснено теоретически, и ведет себя до смешного неловко.

⁴ Герой многочисленных, преимущественно скабрзных венских анекдотов (прим. науч. ред.)

В группе, которая должна подчиняться общему требованию, он ведет себя просто невозможно. В особенности во время занятий спортом он совершенно выпадает из группы; не только потому, что он чисто с моторной точки зрения очень неловок, но прежде всего потому, что у него нет ни малейшего понятия о дисциплине и реакции на обращение. Он всем мешает, неважно, капризничает ли он, или обижается, или же совершенно безобидно начинает говорить: «о да, я уже понял, я знаю».

Вплоть до последнего дня своего пребывания в отделении он остается чужаком, ходит среди детей, не принимая по настоящему участия в их играх, в крайнем случае делает кому-либо замечание, внезапно оказывается втянутым в жестокую драку либо из-за того, что над ним кто-то посмеялся – а он прекрасный объект для насмешек, все его существо их провоцирует, – либо из-за того, что он сам дал для этого повод; он довольно таки коварный мальчик, исподтишка щиплет или толкает других детей, мешает им играть. Если младшие дети плачут, а воспитатель сердится, для него это только повод для дальнейших шалостей.

Он сам усложняет себе жизнь своей церемонностью и опасениями. Если что-то идет не так, как он себе вообразил, или как он привык, он не находит себе места, начинается долгий спор; для воспитателя очень трудно урезонить его, даже когда он не собирается ввязываться в дискуссию. Но ребенок сам мучает себя и других своей навязчивой педантичностью, не может смириться с тем, что что-то может быть иначе, чем он ожидал (например, на Рождество в качестве подарка он хотел получить свитер; так как это пожелание не могло быть выполнено, ему подарили очень красивую рубашку и игрушки: эта «неправильность» его очень расстроила, он даже не посмотрел на другие подарки и все Рождество был несчастен).

Тест на уровень умственного развития и учебные задания

Сколько хороши бы ни были некоторые из его замечаний и сколько бы точны они порой ни были, во всем его поведении сквозило такое нарушение приспособления к требованиям окружающего мира, что с самого начала трудно было ожидать хороших результатов проверки уровня умственного развития. Так оно и оказалось.

Эрнст совершенно не может сосредоточиться: не потому, что его отвлекают извне («пассивное внимание»), а в силу того, что у него нарушено активное внимание. Во время тестирования, как это часто случается и в другое время, он будто с неба свалился, совершенно отсутствует, не настроен на правильное реагирование, в случае большинства вопросов он совершенно беспомощен и демонстрирует очень плохие результаты, даже когда его пытаются поддерживать при помощи взглядов или слов.

Очень показательны его ответы на вопросы на различие. Вот несколько примеров:

Муха – бабочка. У мухи крылья, как стекло, а из крыльев бабочки можно делать шелк (вероятно, он имеет в виду шелковистый блеск!), они пестрые; бабочка, когда становится холодно, она умирает, а весной она становится гусеницей, а потом опять становится бабочкой, вначале она становится куколкой, она вся из серебра; потом он рассказывает о своих личных переживаниях, о моли в комнате, про червей в супе, которые не имеют никакого отношения к вопросу.

Река – озеро. В реке вода течет, а в озере она стоит, а сверху зеленая тина.

Дерево – стекло. Стекло легче ломается, чем дерево; стекло – это масса, а дерево сочное и влажное, у него есть сердцевина, дерево сгорает и получается

пепел, а стекло тянется и потом растекается.

Стремянка – лестница. Стремянка так косо идет, а лестница вот так и вверх (жестами «рисует» ступени), у лестницы есть такое место, куда наступают, а у стремянки вот такие перекладыны.

Ребенок – гном (карлик). Гном маленький, ребенок большой, гном совсем по-другому выглядит, он носит колпак, он красный, а у ребенка чепчик.

Здесь мы вновь сталкиваемся со своеобразием «ума аутистов»: там, где ребенок говорит спонтанно, успехи наилучшие, а там, где надо идти определенным, предписанным путем, особенно когда надо пересказать выученное, показатели наихудшие. Источником знаний о мире становятся, прежде всего, собственные переживания, а не то, что ребенок перенял, чему он научился от других. Успехи одаренных детей от этого выглядят более оригинальными, это придает им определенное очарование, у детей менее одаренных или с более тяжелыми нарушениями ответы выглядят скорее неправильными, они не имеют ценности, сведения, почерпнутые из случайных впечатлений, не отражают суть вещей. Так же обстоят дела и с языковым выражением: при удачном стечении обстоятельств мы услышим особенно меткие самостоятельные формулировки, при менее удачном – выражения, зачастую доходящие до словотворчества, окажутся скорее неправильными, нежели порадуют нас.

В случае Эрнста К. негативные стороны преобладают (надо принять во внимание, что он на полгода старше, чем описанный ранее Харро Л.⁵ При этом его результаты при ответах на вопросы на различия еще самое лучшее, что он может показать, они демонстрируют его умение самостоятельно наблюдать и переживать. При других заданиях, особенно тех, в которых требуется выполнение школьных требований, его ум в очень значительной степени демонстрирует свою оборотную сторону: если кто-то может только оригинально переживать, если он является только «своим собственным Я», а не частью мира, и не находится с ним в постоянном взаимодействии, – тогда он не способен учиться; он не может принимать то, что другие пытаются дать ему в форме готовых знаний и умений, он не поддается «механизации» посредством тренировки и привычки.

Поэтому все страдающие аутизмом испытывают характерные сложности с процессами и знаниями, требующими механистического подхода. В то время как наиболее умные из них в конце концов преодолевают трудности посредством интеллекта, дети с более тяжелыми нарушениями совершенно не справляются с учебой, причем в еще большей степени, чем это соответствует их формальным умственным способностям. Подобный неблагоприятный вариант развития событий мы имеем в случае Эрнста К. По всем предметам он учится очень плохо. Считать он может только с постоянной наглядной опорой (он считает очень ловко и быстро на пальцах, и при этом иногда возникает впечатление, что он обладает умением, которого в действительности нет). Читает он очень медленно, часто путает буквы, сочетание звуков представляет для него большую трудность. Понимание прочитанного несколько лучше. Наихудшие результаты он демонстрирует в письме. Как почти все аутисты, такой моторно неловкий мальчик пишет как курица лапой; перо его не слушается, застревает, чернила текут; не обращая ни на что внимания, он исправляет, при этом он пишет новые буквы поверх старых, зачеркивает, пишет то крупнее, то мельче. Но

⁵ Ошибка автора – возраст Харро Л он указывал как 8,5 (прим. перев.)

форма еще не самое худшее. Уже при списывании, где он с трудом срисовывает одну букву за другой, он делает много ошибок. При диктанте же практически невозможно понять, что это за слово; он пропускает буквы, вставляет их или переставляет, форма некоторых букв так искажена, что их невозможно узнать.

После подобных результатов не совсем понятно, как мальчик был переведен из первого во второй класс. Причина, видимо, кроется в том, что мы могли наблюдать и во время проведения теста: он постоянно спрашивает, говорит о чем-то другом, проявляет инициативу; и все вместе это иногда смотрится неплохо и на первый поверхностный взгляд маскирует то, что он не справляется с заданием. Можно представить себе, что учитель в первом классе, когда он еще не так хорошо знает своих учеников, счел мальчика, который так много говорит, умным, объяснил плохую успеваемость невниманием и надеялся на улучшение.

Уже при проведении тестирования стало очевидно, что проблемы с правописанием, возникающие у мальчика, связаны в первую очередь с тем, что он не может разложить отдельные слова на буквы и не понимает, как слова складываются из нескольких элементов. Поэтому мы попробовали учить методом целостного чтения, отказались от произнесения слова по буквам и учили его читать и писать слово как одно целое. Но и здесь мы продвигались невероятно медленно и с большим трудом. Помимо особых трудностей с правописанием существовали и проблемы с ведением занятий вообще, связанные с нарушением контакта с внешним миром у мальчика. Мы не будем останавливаться на подробностях. Все же оказалось, что успехи мальчика несколько улучшились. Конечно, доля участия воспитателя в этом была особенно велика – разумеется, занятия с ним приходилось проводить индивидуально, в большой группе его невозможно было заставить сконцентрироваться. – Уже тогда стало очевидно, что развитие мальчика при учебе в нормальной школе невозможно, и что перевод во вспомогательную школу является неизбежным. Так как мать воспринимала это как деградацию ребенка, была предпринята еще одна попытка оставить его в начальной школе. Но по окончании второго класса он все же был переведен. Теперь, два года спустя, он учится в третьем классе вспомогательной школы, ни к коей мере не является одним из лучших, как бы то ни было в школе ему сложнее, чем детям, которые составляют большинство учеников вспомогательной школы – примитивным, неспособным к абстрактному мышлению, но хорошо усваивающим механические знания и обладающим практической жилкой.

Если в случае этого ребенка все же есть сомнения, является ли он особо умным или все-таки дебильным, то существует великое множество однозначно слабоумных детей, у которых мы обнаруживаем типичные, не вызывающие сомнения черты больных аутизмом: нарушение контакта с внешним миром с его характерными проявлениями во взгляде, голосе, мимике, жестикуляции и моторике, проблемы с дисциплиной, злобные выходки, педантичность, стереотипии, автоматизмы, характерные для личности в целом, недостаточная способность усваивать механические знания и навыки при относительно более высоких результатах при спонтанной деятельности. У слабоумных описанные отклонения выражены еще более ярко, так как у них нет противовеса со стороны нормальных функций личности.

Тот, кто знаком с многочисленными подобными случаями – а они не столь уж редки, если вы располагаете значительным материалом амбулаторных наблюдений, и опытный специалист, как правило, легко распознает их с первого взгляда, - не может не заметить их поразительного сходства с нарушениями

личности, которые, без сомнения, возникают на основании церебральных нарушений: вследствие родовой травмы или заболевания энцефалитом в раннем детском возрасте (оба эти заболевания приводят к одинаковым патологоанатомическим и функциональным расстройствам).

В первую очередь, для аутистов и слабоумных с церебральными нарушениями характерны одинаковые стереотипии: подпрыгивание и подергивание, повороты вокруг себя, кручение и верчение других предметов (порой с поразительной ловкостью), ритмичное покачивание, например, верхней части тела. И там, и здесь мы обнаруживаем и инстинктивные злобные выходки, которые кажутся изощренными даже в случае глубоко слабоумных (и приводятся родителями как свидетельство ума их детей), потому что эти дети очень хорошо ощущают, что в данной ситуации будет наиболее неприятно (особенно они любят водопровод, так как с его помощью можно много чего натворить, любят и выбрасывать вещи в окно, даже если его открыли всего на несколько мгновений); инстинктивная агрессия, направленная против окружающего мира, характерна для картины обоих заболеваний, щипки, кусание, царапанье; в первую очередь, для больных с церебральными нарушениями характерно умение «мастерски» плевать – вследствие повышенного слюноотделения у них всегда достаточно «материала»! Но и столь часто описываемое нарушение контакта с внешним миром у больных аутизмом с его характерными проявлениями мы обнаруживаем и у больных с постэнцефалитными состояниями.

Идет ли в подобных случаях речь о нарушении, к которому существует предрасположенность (аутизм) или о следствии полученного повреждения мозга, с дифференциально-диагностической точки зрения определить непросто. Важно следующее: анамнез (история рождения, заболевание, сопровождающееся высокой температурой с потерей сознания, болезненная сонливость, рвота или даже конвульсии, судороги в какое-либо время), а затем, в первую очередь, неврологические симптомы (признаки спастических парезов, которые иногда проявляются незначительно, дизартричная речь, заикание, симптомы со стороны глазных мышц или страбизм) или вегетативные признаки (повышенное слюноотечение, которое, согласно нашему опыту, характерно для всех больных с церебральными нарушениями, усиленный блеск глаз, который наряду с другими признаками, что не так легко описать, составляет основу «энцефалитического взгляда», повышенное потоотделение) и, наконец, эндокринные нарушения, прежде всего ожирение (все больше сторонников, не в последнюю очередь благодаря исследованиям *O. Gagel*, приходит к мнению, что причиной эндокринных нарушений выступают первичные церебральные нарушения, это, в первую очередь, верно для нарушений деятельности гипофиза); к эндокринным нарушениям относятся в определенной степени и трофические отклонения (особая гиперрастяжимость суставов, в особенности суставов пальцев, сильно выступающая вперед средняя часть лица - альвеолярные отростки становятся большими и грубыми, десны гипертрофированными и утолщенными - это особенно показательно в случаях, когда мы наблюдаем, как черты лица детей, перенесших энцефалит, до этого бывших красивыми, как эльфы, через 3, 4, 5 лет после болезни искажаются!). В качестве примера мы рассмотрим следующий случай.

Хельмут Л.

Мальчик – четвертый ребенок в семье, родители ничем не выделяются, появился на свет через 7 лет после рождения третьего ребенка, когда матери был 41 год. При родах была асфиксия, его долго реанимировали. Вскоре после

рождения с ним случились судороги, в последующие дни приступы повторились еще дважды, но после этого судорог более не было. Развитие было замедленным. Ходить и говорить ребенок научился к концу второго года жизни; дальнейшее обучение говорению проходило довольно-таки быстро, так что уже в раннем детском возрасте он говорил, «как большой».

Он всегда был толстым совершенно гротескным образом; несмотря на строгую диету под наблюдением врача – аппетит ребенка вовсе невелик – он очень быстро полнел. Когда мы познакомились с ним 6 лет назад – тогда ему было 11 лет - у него были ярко выраженная жирная грудь и полные бедра; подобное состояние сохранилось до настоящего момента (недавно мы вновь видели его). До настоящего времени наблюдается двусторонний крипторхизм (уже год юноша много занимается онанизмом!). С раннего детского возраста мальчика лечили гормональными препаратами, в первую очередь для щитовидной железы и гипофиза, при этом они не оказывали лечебного эффекта ни на ожирение, ни на крипторхизм. Суставы обладают гиперрастяжимостью. Когда вы пожмаете ему руку, возникает впечатление, что у него вообще нет костей, а рука сделана из резины; у него вальгусная стопа и плоскостопие; у него нет ярко выраженного слюнотечения, но явно повышенное слюноотделение – когда он говорит, вы слышите, как во рту пузырится слюна.

Его внешний вид кажется гротескным: на массивном теле, над большим лицом с висящими щеками располагается очень маленькая черепная коробочка (ее вполне можно назвать микроцефалической) с близко посаженными глазками. Взгляд потерянный и отсутствующий, но иногда он вдруг злобно сверкает. Как уже можно ожидать по его внешнему облику, он невероятно неловок. В игровой группе он стоит, как неподвижный колосс; он никак не может поймать брошенный ему мяч, даже когда ему хотят облегчить задачу, его движения при попытке поймать мяч или бросить его самому кажутся невероятно странными. Неподвижное достоинство его лица при этом выглядит особенно смешным. С раннего возраста, по словам его близких, он был очень неловок во всех практических делах, и остался таким и по сей день.

Когда вы слышите, как он говорит, вы удивляетесь тому, как умно все это звучит. И при говорении он сохраняет свое неподвижное достоинство, говорит медленно, почти скандируя, он исполнен превосходства и благоразумия; он часто использует необычные слова, иногда из поэтического языка, порой в необычных сочетаниях (это связано с тем, что он, по словам матери, особенно интересуется поэзией). У него явно нет ощущения того, насколько он не вписывается в этот мир, иначе он не стал бы так себя вести, прежде всего перед детьми. Неудивительно, что он давно стал объектом самых грубых насмешек со стороны других детей, что дети бежали за ним по улице и издевались над ним – не в последнюю очередь потому, что он так смешно сердился, сразу же впадал в ярость, но, конечно, ничего не мог сделать ловким озорникам и только выглядел смешным в своем беззащитном гневе. Это же послужило причиной того, что мать просила в последние годы обучения в школе давать ему уроки индивидуально. Но все же он доучился до пятого класса.

Его школьные знания очень неоднородны; у него отличная орфография, он вообще не делает ошибок, у него также неплохой стиль; в то же время способности к арифметике невелики, при этом не только задания, требующие механического применения правила, но и задания на смекалку обычно получаются плохо. То, насколько он неприспособлен, сколь мало он знает о реальной жиз-

ни, становится очевидным, когда вы задаете ему вопросы о совершенно обычных вещах из практической жизни; он совершенно не справляется, дает ничего не говорящие, но обычно очень выпренные ответы. Мать права, когда говорит о нем, что он витает в более возвышенных материях. Что не останавливает его делать гадости тем, с кем он живет, и другим детям (в особенности, когда он был маленьким, он любил ломать вещи, прятать их и т. п.).

С раннего возраста он был особенно педантичен, как рассказывают его близкие, устраивал сцены, если что-то лежало или стояло не так, как он привык. Во всем, что он делал, он соблюдал свои особые церемонии. Он очень следит за своей одеждой, не выносит на ней ни пылинки, очень часто моет руки, наблюдает за своим телом и его отправлениями. Этой педантичностью он терроризирует свое окружение, и вообще с раннего возраста в педагогическом отношении до него было очень трудно достучаться.

Очень многое в этом описании напоминает нам случаи, рассмотренные до этого: для молодого человека характерен аутистический автоматизм, он апрактивен, у него нарушены инстинкты, связи его с внешним миром и всеми его задачами сужены, подлинные взаимоотношения с людьми отсутствуют, он исполнен злобы и педантичен.

Помимо этого существуют ясные указания на то, что все нарушения в личностном развитии, с которыми мы здесь встречаемся, вероятно возникли на основе церебрального нарушения в результате родовой травмы: анамнез (асфиксия при рождении, судороги), эндокринные нарушения, повышенное слюноотечение в качестве вегетативного симптома, апрактические нарушения в столь высокой степени, которые, вероятно, являются проявлением нервного расстройства.

На данный момент мы хотели бы отметить, что есть случаи, при которых церебральное нарушение может создавать картину, по многим параметрам очень сходную с той, которую дает нам аутизм, — органическое нарушение, которое в очень похожей форме проявляется и у других членов семьи.

Общая картина аутистических психопатов

Вместо того чтобы и далее подробно описывать отдельные случаи, мы предпримем попытку выявить общие, типичные черты подобных детей. Это будут черты, собранные нами от всех аутистических детей. Не каждый из этих детей будет обладать данной чертой — подобного невозможно требовать ни от одного типологического подхода. Но для того, кто знаком с такими детьми, всегда бывает удивительно, в сколь многих кажущихся отличительными мелочах они совпадают, сколь однородным, таким образом, является данный тип. Но при этом все же индивидуальные различия внутри типа велики. Мы бы сами сочли свой подход неверным, если бы от нас ускользнули подобные различия, если бы неповторимая личность отошла в тень типичного. Отдельные личности отличаются друг от друга не только по степени нарушенности контакта с внешним миром, умственной одаренности, складу характера, но и большим количеством индивидуальных черт, особым способом реагирования, особыми интересами (которые именно внутри данной группы особенно самобытны и различны).

В пользу единства данного типа выступает и еще одна характерная черта: его постоянство. Уже начиная со второго года жизни его основные признаки несомненны. Они сохраняются в течение всей жизни. Конечно, интеллектуальные способности и характер развиваются, в ходе развития отдельные черты выходят на первый план или же становятся менее заметными, различаются и про-

блемы. Но сущность остается неизменной. Трудности, которые маленький ребенок испытывает при овладении простейшими навыками практической жизни, а также в процессе социальной адаптации, проистекают из того же нарушения, следствием которого становятся проблемы с учебой и поведением в школьном возрасте, которое обуславливает проблемы в профессиональной деятельности или же выдающиеся достижения в юности и которое стоит за семейными и социальными конфликтами во взрослом возрасте. Помимо однородности картины ее постоянство позволяет говорить о данном состоянии как о типичном. Тому, кто однажды познал данный склад человека, тому подобные дети откроются очень быстро по мелким деталям, например, по тому, как они в первый раз приходят к нам в амбулаторию, и тому, как ведут себя здесь в первый момент, по первым словам, которые они произносят. Как и при рассмотрении отдельных случаев, сначала мы остановимся на

Физическом облике и феноменах самовыражения

Эти дети особенно быстро утрачивают младенческие черты лица, пухлость, мягкость, неопределенность; у них хорошо проработанные черты лица с особым отпечатком, часто утонченные, как у принцев, порой несколько напоминающие опустившихся аристократов. Раннее мышление сформировало лицо. Насупленные брови зачастую говорят о такой черте, как размышление.

Всегда присутствуют характерные особенности взгляда. Не только поэты знают о том, что душа человека в его взгляде. С того момента, как ребенок может «смотреть», то есть с третьего месяца жизни, задолго до того, как у него появится возможность языкового выражения, большая часть его взаимоотношений с окружающим миром реализуется посредством взгляда. Кто как не маленький ребенок впитывает мир глазами, постигает вещи, выражает свои чувства посредством взгляда намного более открыто, чем взрослый, который научился скрывать свои чувства и отстраняться от мира. Принципиально иначе это происходит у наших детей, которые описаны здесь. Едва ли их взгляд осознанно останавливается на каком-либо отдельном предмете или человеке и демонстрирует таким образом деятельное внимание, живой контакт. Никогда нельзя точно сказать, направлен ли взгляд вдаль или внутрь себя, также как и никогда точно не знаешь, чем эти дети в данный момент заняты, что происходит у них внутри. Особенно явно данное нарушение проявляет себя в разговоре с другими. Взгляд не встречается с ответным взглядом, устанавливая единство, необходимое для контакта в процессе диалога – когда мы говорим с кем-либо, то «ответ» мы получаем не только посредством слов, назначение которых состоит в том, чтобы передать абстрактное содержание, но едва ли не в большей мере посредством взгляда, тона речи (о чем мы сейчас будем говорить), посредством выражения лица и жестов. Большая часть этих отношений выстраивается, таким образом, посредством взгляда. Но в этом аутистический ребенок с нарушенным контактом вовсе не заинтересован. Поэтому он преимущественно не смотрит на говорящего, он смотрит мимо собеседника, иногда вскользь задевая его. Вообще для этих детей характерно то, что они не смотрят прямым, заинтересованным взглядом, а так, будто бы воспринимают все периферийным зрением, и все же при этом они, как впоследствии случайно обнаруживается, воспринимают и усваивают так много информации об окружающем мире. – Но в одном случае взгляд этих детей становится очень выразительным: когда они замышляют какую-нибудь злую проделку – тогда их глаза блестят, и вот они уже что-то натворили.

После всего сказанного не удивительно, что мимика и жестикация аутистических детей довольно бедны. Они не могут быть отражением мимики и жестов человека, с которым они в данный момент находятся в контакте, и они не нуждаются в мимике как выражении наличия контакта с собеседником. Порой на их лицах напряженно-задумчивое выражение. Но во время беседы их лица обычно пусты и расслаблены в дополнение к потерянному взгляду. Они бедны и на жесты, выразительные движения, которые не отражаются на лице, хотя они совершают множество движений – но это двигательные стереотипии, которые в плане выражения совершенно ничего не дают.

Помимо взгляда для выражения очень важен язык. Мы уже говорили при описании первого случая, что в человеческих отношениях выразительная функция языка по крайней мере так же важна, как и способность языка передавать некое содержание; все аффекты передаются, главным образом, при помощи языка; то, в каких отношениях находятся собеседники, кто из них стоит выше, а кто ниже, испытывают ли они симпатию или антипатию друг к другу, – все это безошибочно можно определить по тону их слов, даже если содержание их речи вводит в заблуждение; то, каков человек по духу, выражается именно посредством этой стороны языка – тому, кто умеет слышать, человек открывается посредством того, как он говорит: что есть правда и ложь, что есть «звучащая медь и звенящий бубенчик», что существенно – все это мы прежде всего узнаем посредством этих способов выражения.

Возможности этой стороны языка столь же многообразны, как и человеческие характеры. Поэтому мы не в состоянии подробно перечислить всего того, что в мелодии речи, ее тоне и громкости, ее течении и остановках может открыться нам о личности говорящего, не в состоянии хотя бы уже потому, что многое из этого не может быть понято интеллектуально, а может быть лишь воспринято в ощущении.

И вновь нас не должно удивлять, что у людей, у которых нарушен контакт с внешним миром, нарушены и все эти проявления выразительности. Всегда, когда мы обращаем на это внимание, речь аутистов кажется нам странной – и этот вывод для нас очень важен с диагностической точки зрения. В каждом случае будут существовать различные виды отклонения от нормы: то голос удивительно тихий и далекий, звучит изысканно и несколько в нос, а то вдруг резкий, каркающий, неуместно громкий, так что даже ушам больно; то речь течет монотонно, без подъема или падения тона – в том числе и в конце предложения – певуче, как шарманка; или же это речь с чрезмерными модуляциями, она похожа на плохую декламацию с неуместным пафосом. Как бы велико ни было количество возможных вариаций, общим во всех этих случаях является следующее: даже неподготовленному слушателю подобная речь покажется неестественной, как карикатура, доведенная до издевательства. И еще одно замечание: их речь не обращена к собеседнику, все говорится будто бы в пустоту, аналогично тому, как их взгляд не направлен на собеседника, а скользит мимо него.

К способам выражения в более широком смысле слова относится и выбор слов. Об этом пойдет речь в следующем разделе.

Аутистический интеллект

Успехи ребенка являются следствием напряжения между двумя полюсами: тем, что он делает спонтанно и самостоятельно, и подражанием тому, что ему показывают, овладением знаниями и умениями, которыми взрослые уже обладают. Для получения хорошего результата обе эти стороны должны находиться

в правильном соотношении. Если самостоятельность отсутствует, хотя бы и самостоятельная переработка того, что ребенок перенимает от других, то результат будет пустым, формальным, поверхностным механическим копированием, просто «напоказ». С противоположным явлением мы сталкиваемся в случае интеллекта аутистов. Эти дети могут продуцировать только спонтанно, могут быть только оригинальными, их способность учиться значительно снижена, их очень сложно научить механистичным процессам, они вовсе не настроены перенимать знания у взрослых, например, у учителя. В этом причина особых способностей и особых сложностей этих людей – как и в каждом человеке его преимущества и недостатки неразрывно связаны.

Особенно наглядно все вышесказанное проявляется в свободном говорении: у аутистических детей, особенно у наиболее интеллектуально одаренных из них, особое творческое отношение к языку, они могут выразить свои оригинальные переживания и наблюдения в оригинальной языковой форме – они либо употребляют необычные слова, которые, как мы полагаем, далеки от сферы жизни ребенка, или же выражения, придуманные ими самими или же сильно видоизмененные, которые порой бывают очень точными и характерными, а порой неприемлемыми. Следует отметить, что у маленьких детей мы довольно часто видим свободное отношение к языку, они беззаботно образуют новые слова, которые обычно очень метки, – именно в этом и состоит очарование «детского языка», – но в более старшем возрасте подобные свободно составленные выражения, согласно нашему опыту, можно найти только в речи детей-аутистов.

Приведем несколько примеров: мальчик шести–семи лет объясняет разницу между лестницей и стремянкой: «стремьянка остроконечная, а лестница «змеекольцовая».

Особенно богата оригинальными языковыми находками была речь одного одиннадцатилетнего мальчика-аутиста: «устно я это не могу, а могу головно» (он хотел сказать, что он это понял, но не может выразить); «сон мой сегодня был длинным, но тонким» (это и пример самоанализа аутистов); «для художественного глаза эти картины, может быть, и красивы, но мне они не нравятся», «яркое солнце я не люблю, но и темноту тоже, больше всего мне нравится мелированная тень»; (ответ на вопрос, набожен ли он) «я не хочу сказать, что я не набожен, но я не имею признака Бога».

За самобытностью языковых формулировок стоит оригинальность восприятия. Дети-аутисты обладают способностью видеть предметы и процессы в окружающем мире с новой точки зрения. И их точка зрения часто оказывается на удивление зрелой, проблемы, которые они перед собой ставят, намного превосходят те, над которыми размышляют дети их возраста. Хорошей иллюстрацией вышесказанного является описание второго случая (Харро Л.). Обычно это строго ограниченная, изолированная область, которая развита гипертрофированно.

Один из них может быть «натуралистом», поднимающим по-настоящему научные вопросы, он наблюдает и необычайно хорошо видит суть явлений, составляет из них свою картину мира, выстраивает собственные теории, которые порой несколько запутанны; некоторое из этого было им прочитано или услышано, он всегда основывается на собственных переживаниях. Другой – химик, который все свои деньги – даже если ему приходится красть их – тратит на эксперименты, которые часто вызывают ужас его окружения; некоторые идут в

своей специализации еще дальше – на экспериментах, где что-то взрывается или воняет; другой мальчик-аутист сосредоточился на ядах, располагал совершенно невероятными знаниями по этой теме, имел коллекцию ядов, частично наивно приготовленных им самим; он попал к нам, так как украл из ящика с ядовитыми химическими реактивами в школе довольно много цианистого калия! Для иного важно царство чисел: без каких-либо инструкций и занятий в школе сложнейшие счетные операции не представляют для него никакой трудности; вспомним первый описанный случай (Фриц Ф.), где ярко проявляется и несостоятельность аутистов; может случиться так, что подобный ребенок, поражающий своих близких решением трудных математических задач, столкнется с большими проблемами при изучении методов, которые преподаются в школе, а значит, привнесены извне. Еще один ребенок интересуется преимущественно техникой, он знает невероятно много об устройстве сложных машин – он приобрел эти знания путем подробнейших расспросов, от которых невозможно было уклониться, и в первую очередь посредством собственных наблюдений – он занимается фантастическими изобретениями, такими как космические корабли и т. п. – легко заметить, сколь часто интересы аутистов далеки от реальной жизни.

Следующей «изысканной» чертой некоторых детей-аутистов является зрелость художественного восприятия, которая обычно не наблюдается в этом возрасте. «Нормальный» ребенок не понимает высокого искусства – ему нравятся аккуратно нарисованные яркие картинки с большим количеством голубого и розового цвета, часто даже и китч (строгие стилизованные детские книжки с картинками, которые были «в моде» 15–20 лет назад, выглядят совершенно не по-детски, сейчас ситуация значительно исправилась). Дети-аутисты часто поражают полностью сформированным чувством стиля, они уверенно отличают искусство от китча, они даже понимают смысл «трудных» произведений, которые недоступны многим взрослым, например, романской скульптуры или картин Рембрандта, они очень точно судят не только о том, что изображено на картине, но и о том, что за этим стоит, каким характером обладают изображенные на картине персонажи, какое настроение передано. Только подумайте, многие взрослые так никогда и не достигают такой степени зрелости и осознанности личности, которые являются предпосылкой подобного знания!

Такому художественному восприятию сродни и еще одна способность, которая также часто встречается у детей-аутистов: особая саморефлексия и умение точно судить о других людях. В то время как «нормальный» ребенок просто живет, едва ли осознавая себя самого, но в то же время является правильно реагирующей частью этого мира, дети-аутисты часто размышляют о себе, наблюдательны по отношению к себе, становятся сами для себя проблемой, обращают внимание на функции своего тела. Вот пример: девятилетний мальчик с высокой степенью аутизма, который, как и большинство таких детей, в первые дни пребывания в отделении очень тоскует по дому, рассказывает о том, как он успокаивает сам себя по вечерам, лежа в постели – в это время тоска по дому особенно сильна: «Когда кладешь голову на подушку, то в ухе так шумит, и надо долго лежать тихо, и это так хорошо». Этот же мальчик описывает микропсию, которая у него порой бывает: «В школе, там я иногда вижу, у госпожи учительницы такая маленькая голова, и тогда я не знаю, что это; мне так неприятно, что я такое вижу, тогда я прямо глаза выдавливаю (показывает, как он надавливает себе на глаза), и становится лучше»:

Эти особенности подводят нас к замечанию, которое, вероятно, не совсем уместно в данный момент. Как всегда, если человек обращает внимание на удивительные автоматизмы вегетативной системы, которые лучше всего функционируют без участия сознания, это приводит к нарушению их функций. *Hamburger* всегда совершенно правомерно указывал на то, что воспитатель никогда не должен обращать внимание ребенка на процесс еды и питья, дефекации и мочеиспускания, иначе это наверняка приведет к возникновению нарушений данных автоматизмов. У детей-аутистов функции собственного тела сами, без участия воспитателя, вторгаются в сознание, регистрируются и принимаются всерьез – и очень во многих случаях имеются их нарушения. Особенно часто возникают нарушения сна и процесса приема пищи, которые в семьях приводят к тяжелым конфликтам.

Эти дети наблюдают сами за собой, и в силу этого они порой удивительно зрело и правильно судят о людях из своего окружения, очень хорошо чувствуют, кто к ним расположен, а кто нет, даже если этот человек держит себя совершенно иначе, у них очень точное чутье на ненормальность других детей, они буквально сверхчувствительны к этому, как бы ненормальны ни были они сами.

Здесь мы должны разрешить кажущееся противоречие, которое, однако, позволит нам продвинуться вперед в одном очень важном вопросе. Мы хотим продемонстрировать, что значительное отклонение от нормы у аутистов является нарушением живого отношения к миру, нарушением, которое объясняет все их аномалии. Но как же нарушение контакта с миром сочетается с подобным умением ясно видеть, о котором говорят только что описанные нами их основные черты, как может человек, отношения которого с внешним миром нарушены, переживать осознанно столь многие вещи? Это только мнимое противоречие. Нормальный ребенок, особенно маленький, который правильно ориентируется в окружающем мире, правильно на него реагирует и находится в ритме его колебаний, делает все, руководствуясь здоровым инстинктом, и до осознанной оценки дело не доходит; для этого нужна дистанция по отношению к конкретным вещам. Дистанция от предмета является предпосылкой абстракции, осознания, формирования понятия. Именно усиленная личная дистанция, нарушение инстинктивной, чувственной реакции, что характерно для аутистов, в определенном смысле является хорошей предпосылкой постижения мира при помощи понятий. Поэтому мы и говорим о «психопатическом ясновидении» этих детей, так как данный феномен встречается только у них. При благоприятном исходе эта способность, которая, конечно, сохраняется и в дальнейшем, является хорошей предпосылкой для профессиональной деятельности, обуславливает выдающиеся достижения таких людей, не доступные другим. Хорошая способность к абстракции является условием успехов в науке. И действительно, в рядах ведущих ученых мы находим личности аутистического типа. Беспомощность, проистекающая из нарушения контакта, – характерная черта «профессора», бессмертного карикатурного персонажа – прекрасно это доказывает.

К сожалению, положительные стороны характера аутиста, которые могут пригодиться в будущем, преобладают далеко не в большинстве случаев. Мы уже говорили о том, что подобный характер свойствен личностям различного уровня развития: это и оригинальность, граничащая с гениальностью, далекие от реальности, зажатые, не способные к каким-либо успехам чудаки, и слабые, действующие, как автоматы, у которых контакт с миром в тяжелой форме нарушен. Представление о средней из перечисленных групп может дать

описанный нами третий случай, случай Эрнста К. В качестве следующего примера мы приводим ответ мальчика 8–9 лет: (вопрос: разница между деревом и стеклом) «древесина растет и у нее кожа становится грязной, она впитывает грязь из земли и становится такой твердой, что прилипает к дереву и больше не сходит, так земля прилепляется к дереву; если уронить стекло, оно разобьется, хотя оно сковано вместе, потому что клей, который в него добавлен, не держит, и оно разбивается» - это достаточно абсурдная теория, которая, скорее, представляется странной, нежели оригинальной!

Перечисление типов, границы между которыми весьма нечетки, заканчивается теми слабоумными со стереотипными привычками, как у автоматов, с ничемными, причудливыми интересами; это «люди-календари», знающие именинников для каждого дня года, дети, которые задолго до того, как пойдут во (вспомогательную) школу, знают наизусть все трамвайные маршруты Вены со станциями отправления и конечными, также дети с другими автоматическими мнемоническими достижениями.

Если до сих пор мы рассматривали интеллектуальные успехи детей-аутистов с точки зрения спонтанного продуцирования и интересов, то теперь нас будет занимать их *учеба* в школе. Тот, кто следует только своим спонтанным импульсам и малодоступен требованиям окружающего мира, тот, вероятно, может быть оригинальным, но не может учиться. И это подтверждается в большинстве подобных случаев. Эти дети, порой поражающие учителя ответами, свидетельствующими о несоответствующей их возрасту зрелости, явно не успевают по школьным предметам и в особенности не справляются с требованиями, требующими механистичного усвоения, которые легко даются даже самым глупым, даже многим ученикам вспомогательной школы, то есть с чтением, правописанием и счетом (таблица умножения!). Иногда дела идут хорошо по предметам, которые совпадают с областью особых интересов ребенка: некоторые из этих детей с особенной легкостью учатся чтению, так как они уже в необычно раннем возрасте, в 6, 7 лет, «заглатывают» все, что можно прочесть (обычно страсть к чтению приходит в возрасте около 10 лет); любители арифметики обычно и в школе хорошо считают, хотя и здесь есть весьма характерные противоречия: мания во всем идти своим путем, использовать изобретенные ими самими методы, препятствует ребенку усвоить математические методы, которые преподаются в школе; они сами усложняют себе жизнь, в конце концов запутываются и получают неверный результат. При описании первого (Фриц Ф.) и второго (Харро Л.) случаев мы привели множество подтверждающих это примеров. Еще один пример: первоклассник, аутист, который сам ставит себе задачу, сколько секунд в двух часах, и решает ее, получает задание подсчитать, сколько будет 5 плюс 6: «Да, я не люблю считать с маленькими числами, я больше люблю 1000х1000». После того, как он долго демонстрировал свои «спонтанные» математические способности, его все же попросили решить задание, он описал следующий оригинальный, хотя довольно сложный метод: «Смотрите, это я считаю так: 6 плюс 6 будет 12, 5 плюс 6 на один меньше, значит, 11». Эти сложные методы далеко не всегда приводят к правильному результату; не только потому, что он сам все так усложнил, здесь проявилась и еще одна черта, которая очень мешает таким детям показывать хорошие результаты: он был очень несобран, внутренне совершенно отвлечен.

Это *нарушение активного внимания* почти регулярно встречается у детей данного типа. Таким образом, наблюдается не только типичное нарушение кон-

центрации, характерное для многих детей с нервной патологией, которых отвлекают от цели любые внешние раздражители, движение и беспокойная обстановка. Эти дети с самого начала не склонны направить свое внимание, сконцентрироваться на том, что требует от них внешний мир, в данном случае школа. Они заняты своими собственными проблемами, которые обычно столь далеки от обычных, не позволяют себе мешать и обычно не дают другим заглянуть в их внутренний мир. Как и в случае их проблем с поведением, на них и в этом случае очень трудно повлиять извне.

В силу этого вовсе не удивительно, что большинство детей, больных аутизмом, испытывают проблемы с учебой. В случае наиболее умных из них учителя порой смотрят сквозь пальцы на их более плохие показатели в том, что требует механистического выучивания, в силу иных успехов или же столь привлекательных умных ответов. Обычно же учителя приводят в отчаяние мучительные усилия, которые приходится прилагать обеим сторонам из-за подобного нарушения традиционного способа работы. В ряде случаев происходят очень характерные конфликты между учителями и родителями: родители, которым вообще свойственно переоценивать детей, судят о ребенке по спонтанным проявлениям его ума, то есть по его оригинальным идеям, – и считают его очень умным. Учитель же видит, что ребенок не справляется с тем, чему можно научиться, и ставит плохие оценки – это и становится основой конфликта, в котором обе стороны по-своему правы.

Здесь будет уместно и еще одно замечание о нашем методе проверки уровня умственного развития. Подавляющее большинство методов, и прежде всего, метод *Binet* и его модификации, сознательно отказываются от проверки школьных знаний, так как эти знания в большой мере зависят от экзогенных факторов; в рамках этих методов предлагаются задания, при выполнении которых выученное в школе, а также обусловленное средой не играет роли (что, в общем-то, строго говоря, невозможно). В результате использования теста *Binet* исследователь получает неправильное представление о способностях аутистов, как и детей некоторых других типов: тесты *Binet*, задания которых, особенно для детей более старшего возраста, апеллируют к логически-абстрактному мышлению, очень подходят этим детям, так что их результатом становятся высокие значения коэффициента интеллектуального развития. Когда же этим детям дают учебные задания, когда сам исследователь в ходе теста наблюдает уже описанное нами нарушение способа работы во время учебы, только тогда и становится ясным, с чем не справляются подобные дети. Поэтому мы и включили в нашу методику учебные тесты, которые не только позволяют увидеть школьные знания детей, но и дают нам информацию об их способе работы, внимании, концентрации, выдержке, о том, насколько они склонны отвлекаться. Совершенно очевидно, что при оценке результатов должно учитываться и влияние экзогенных факторов, например то, насколько ребенок запущен в учебном отношении, и это, безусловно, требует большого опыта – но это необходимо и при проведении теста по методике *Binet*, если исследователь хочет, чтобы результат тестов был достоверным (в качестве примера можно привести тот факт, что развитие разговорных навыков у детей из более высоких социальных слоев во все не помогает исследователю и часто создает иллюзию более высоких показателей при прохождении теста!)

Поведение в обществе

Мы хотим продемонстрировать, что основным нарушением у аутистов яв-

ляется сужение их взаимоотношений с окружающим миром и что именно через эту призму мы можем постичь личность подобных детей, так как это нарушение является ее организующим началом. До этого момента мы рассматривали детей изолированно, мы показали, как отражается это нарушение на их внешних проявлениях и умственном потенциале. Но наиболее непосредственно сущность этих детей обнаруживает себя, когда мы рассматривает их отношение к другим людям.

В действительности их наиболее просто понять через их поведение в обществе, из тяжелых конфликтов, которые возникают вокруг них начиная с раннего возраста. Наиболее тяжелый характер эти конфликты имеют в ближайшем окружении, к которому человек принадлежит с момента рождения, то есть в семье. (В качестве аналога можно привести тот факт, что и в случае с больными шизофренией наиболее тяжелый характер носят конфликты в семье. Причина этого очевидна: общность семьи основывается, в первую очередь, на эмоциональной связи членов семьи друг с другом. Влияние на ребенка, который воспитывается в семье, оказывается, главным образом, посредством чувств, посредством взаимодействия чувств детей и родителей. Как и больной шизофренией с обедненным чувственным миром, так и аутист, спектр чувств которого сужен, не знает, что же делать с этим семейным чувством, не понимают его, даже защищаются от него. Но именно родители наиболее сильно ощущают на себе бесчувственное отношение своих детей, и это делает их особенно несчастными).

Прежде всего в семье разыгрываются «акты агрессии» подобных детей. Для них характерна особая изощренность: с неизменной точностью дети находят то, что в данной ситуации выглядит наиболее неприятным, обидным, они берутся за дело, продумав все в точности; у этих бедных в чувственном отношении детей совершенно отсутствует понимание того, какую боль они причиняют другим – младшим братьям и сестрам физически, а взрослым душевно. Порой дело доходит до садистских действий (о чем речь пойдет далее). Желание сделать нечто плохое – это практически единственное, от чего загорается их обычно потерянный взгляд, – отсутствует у них очень редко.

На акты агрессии очень похожи и негативистские реакции, которые были описаны нами при рассмотрении отдельных случаев, в особенности первого. Помимо спонтанного, импульсивного в их негативистском поведении, корнем его, без сомнения, является и несостоятельность этих детей, неумение справляться с повседневными задачами практической жизни – мы уже говорили о том, насколько дети-аутисты неловки, как им приходится с трудом, при помощи разума, правил и законов научиться тому, чему другие дети учатся «сами по себе», бессознательно подражая тому, что делают взрослые. Но этого родители обычно не понимают. В каждодневных делах, таких как умывание, одевание, еда, они требуют само собой разумеющегося подчинения – и таким образом именно в этих ситуациях дело доходит до тяжелейших конфликтов и сцен, негативистских реакций и агрессии со стороны детей.

Только что мы рассмотрели реакции, которые выражают враждебное по отношению к семье отношение, но в любом случае имеет место и изоляция ребенка-аутиста в семье, особенно очевидным это становится, когда он живет среди братьев и сестер, но это происходит и в том случае, если это единственный ребенок в семье, как это обычно и бывает. «Как будто он один на белом свете», – слышим мы довольно часто; он бродит как чужой, кажется, не замечает того, что вокруг него происходит – но порой удивляешься тому, сколь много

из того, что его окружает, он воспринимает и перерабатывает, несмотря на свою отрешенность. Эти дети сидят, погруженные в свою игру или иное занятие, далеко в углу или же посреди шумных и веселых братьев, сестер или товарищей, но они являются инородным телом, шум и движение вокруг их совершенно не трогают, они абсолютно недоступны в том, что они делают, они не воспринимают импульсов извне, их крайне раздражает, если им мешают.

Занятие маленьких детей-аутистов зачастую представляет собой стереотипные действия, иногда это обычные двигательные стереотипии, ритмичное покачивание, однообразная игра со шнурком от ботика, которая может продолжаться часами, или определенной игрушкой, с которой он обращается практически как с фетишем, например, плеткой, старой куклой; дети стучат и бьют, они явно наслаждаются ритмом, они выкладывают свои игрушки рядами, например, раскладывают кубики по цвету, форме, размеру, или руководствуясь иными непонятными законами, вместо того чтобы действительно построить из них что-либо. Обычно их невозможно оторвать от игры и собственных проблем. У одного семилетнего мальчика-аутиста возникали тяжелые конфликты во время еды, так как он, не отрываясь, наблюдал за пятнами жира в своей тарелке с супом – они очень интересовали его, он двигал их взад-вперед, или же дул на них – очевидно, меняющиеся формы казались ему живыми и значительными.

Эти дети следуют, в первую очередь, своим собственным импульсам, своим интересам, при этом требования окружающих их не заботят. В семье можно в значительной мере потакать этим особенностям, позволить им идти своим путем. Однако когда речь идет о таких повседневных делах, как подъем, одевание, умывание, еда, доходит до характерных столкновений. Совсем иначе обстоит дело, когда ребенок идет в школу. Там он в значительной степени лишен свободы спонтанных импульсов и интересов. Он должен сидеть тихо, быть внимательным, постоянно реагировать так, как положено – а все это подобным детям дается с большим трудом или не дается вообще. Количество поводов для возникновения конфликтов резко возрастает. В то время как с особенностями маленьких детей-аутистов родители зачастую справляются самостоятельно, первоклассники практически всегда попадают в лечебно-педагогические консультации, так как справиться с ними обычными способами не удастся.

При описании двух первых случаев мы подробно останавливались на проблемах с учебой, так что мы можем сослаться на них. Мы описывали как проблемы с учебой, проистекающие из особенностей поведения аутистов, так и поведенческие проблемы, асоциальное поведение в обществе одноклассников. Причин для конфликтов предостаточно. Уже один тот факт, что эти дети совершенно иные, чем остальные, выделяются всем своим существом из остального коллектива, является основанием для неприятия или нападок со стороны одноклассников. Их манера держаться, говорить, не в последнюю очередь и их гротескная неловкость провоцируют подразнить их – у детей ведь особенно острый взгляд на особенности других людей, и их насмешки попадают точно в цель.

Поэтому нередко можно наблюдать ситуацию, когда ребенок-аутист на перемене, а в особенности по дороге в школу, оказывается в центре улюлюкающей толпы мальчишек, он либо набрасывается на них в слепой ярости – отчего выглядит особенно нелепо, – либо беззащитно плачет, в любом случае он беззащитен перед своими умелыми мучителями. Иногда дело доходит до того, что только мать, провожающая ребенка в школу, может защитить его от жестоких одноклассников, так что ребенок нуждается в этом до конца начальной школы,

а порой и дольше, как нуждается он в помощи или руководстве при одевании. В благоприятных случаях таким детям удается благодаря особым способностям, уму или особенно отчаянным попыткам защититься снискать себе уважение, хотя и не свободное от насмешек.

Влечения и чувства аутистов

Из всего вышесказанного уже совершенно ясно, сколь негармонична личность описываемых нами детей. В то время как их интеллект часто развит выше среднего уровня, обнаруживаются значительные нарушения в глубинных слоях личности, в зонах, отвечающих за инстинкты и влечения, что проявляется в нарушениях инстинктивной ситуационной адаптации, в несостоятельности в выполнении повседневных дел. Описание внешних проявлений и поведения этих детей делает это полностью очевидным. Теперь мы хотели бы отдельно остановиться на нарушениях в сфере инстинктов и чувств.

Начнем с *сексуальности*. Здесь картина не единообразна. Некоторые на протяжении всего детского и переходного возраста остаются сексуально холодными и незаинтересованными, влечение у них выражено слабо – и в более позднем возрасте они не достигают здоровой мощной сексуальности. Но в большинстве случаев сексуальное поведение обнаруживает себя уже в раннем возрасте. Во многих случаях оно проявляется в форме рано начинающейся, интенсивной, упорно сохраняющейся мастурбации, которая не поддается попыткам лечения. Зачастую чувство стыда и вины в значительной мере отсутствует, которое обычно сопровождает подобные действия; дети предаются своей страсти порой наподобие эксгибиционистов, со всей настойчивостью и невосприимчивостью к влиянию аутистов. Известны и акты гомосексуального характера у довольно маленьких детей (случай 2!).

Часто речь идет и о садистских чертах. В качестве примера мы можем привести высказывания семилетнего мальчика со значительными аутистическими наклонностями: «Мамочка, когда-нибудь я возьму нож и воткну его тебе в сердце; тогда хлынет кровь и будет очень красиво». «Было бы здорово, если бы я был волком, тогда я бы мог растерзать овец и людей и потекла бы кровь». Когда мать однажды порезала палец, ребенок сказал: «Почему кровь больше не течет, кровь же должна течь». По рассказам, когда он сам поранился, он пришел в совершенный восторг, так что врач, которая бинтовала его рану, нашла его состояние очень странным. При этом в остальных случаях мальчик очень боязлив, боится упасть со стула, на улице его пугают быстро едущие машины. У этих детей нередко склонность к копролалии – и это поведение очень контрастирует с их обычно изысканной речью!

Подобно тому, как в рассмотренной нами первой сфере инстинктов, связанной с сексуальностью, в большинстве случаев обнаруживается явная дисгармония – либо ослабленное влечение, либо ранняя зрелость или суженное влечение при отсутствии гармоничного созревания, становящегося частью личности, – мы обнаруживаем аналогичные проявления и в различных сферах чувственной сферы. Здесь противостоят друг другу чрезмерная чувствительность и полная бесчувственность.

Приведем несколько примеров.

Практически регулярно мы обнаруживаем различные вкусовые предпочтения или неприятие в области вкусовых ощущений – их частота для нас является доказательством завершенности данного типа: часто они отдают предпочтение очень кислым или острым блюдам, таким как огурцы или копченое мясо; не-

редким является и непреодолимое отвращение к овощам или молочным блюдам. Нечто аналогичное мы находим и в области осязания: для многих из этих детей характерно очень сильное, доходящее до ненормальности отвращение к ощущениям от соприкосновения с бархатом, шелком, ватой мелом, они не выносят грубого прикосновения новой рубашки, заштопанных чулок, стрижки ногтей, возникающее после стрижки ногтей неприятное ощущение является поводом для сцен при выполнении данной процедуры. И вода при мытье часто становится источником неприятных ощущений и тем самым поводом для конфликтов. В госпитале проявляется и особая гиперчувствительность гортани, так что каждодневный контроль ее состояния при помощи шпателя становится непростой процедурой. Эти дети часто гиперчувствительны по отношению к шороху или шуму, порою именно те, которые в других ситуациях совершенно не обращают внимание на то, что вокруг них происходит, в том числе и на шум.

Ощущение отсутствия гармонии, противоречия, которое у нас уже возникло до этого, еще усилится, когда мы перейдем от рассмотрения восприятий органов чувств к более высоким чувствам, к тому, как они проявляют себя по отношению к вещам, животным и другим людям. Как только вы начинаете заниматься подобными детьми, у вас сразу же возникает ощущение, что у них есть явный дефект в сфере чувств, который следует рассматривать в качестве конечной причины нарушения взаимоотношений с окружающим миром.

Этот дефект проявляется уже в изоляции этих детей среди других людей, в их негативном отношении к своему окружению, в особенности к своим близким. Они скупы на проявления нежности, которые обычно доставляют столь много радости во взаимоотношениях с маленьким ребенком. О некоторых из этих детей говорят, что они совершенно не могут льстить или «быть милыми», они даже становились агрессивными, когда им пытались угодить. Акты агрессии и жестокости тоже говорят об их бесчувственности.

Они до крайности эгоцентричны, следуют только своим желаниям, интересам, спонтанным импульсам, не обращая внимания на запреты и заповеди. Им недостает чувства уважения по отношению к другим людям. Когда Вы говорите с ними, они общаются с Вами на равных, они говорят с непреложной уверенностью; и в неповиновении для них характерно непревзойденное неуважение – но вскоре становится ясно, что это не сознательное и намеренное проявление наглости, а просто дефект восприятия другого человека.

У них отсутствует представление о личной дистанции: подобно тому как они совершенно беззаботно прислоняются к другим людям, даже к совершенно посторонним, хватаются за них, как будто бы это не человек, а какая-то вещь или предмет мебели, они могут воспользоваться другим человеком, не испытывая ни малейшего отчуждения, просят его о чем-либо, заводят разговор, тему которого определяют сами – и все это, несомненно, без малейшего внимания к различию в возрасте, отношениям подчинения, требованиям приличий и вежливости.

Отношение детей-аутистов к вещам также аномально. В то время как для нормального ребенка, особенно в раннем возрасте, вещи буквально становятся живыми, потому что он наполняет их своей собственной жизнью посредством хорошего к ним отношения, в то время как он формируется в общении с вещами, набирается опыта, связывает с ними свою любовь, – у детей-аутистов мы ничего подобного не обнаруживаем. Либо они вообще не замечают вещей окружающего их мира, например, их никак не трогают игрушки, либо их привя-

занность к какой-нибудь отдельной вещи носит патологический характер, они ни на минуту не упускают какую-то плеточку, кусок дерева, примитивную куклу из виду, не могут отправиться есть или спать, если «фетиш» не находится при них, устраивают ужасные сцены при попытке отобрать у них вещь, которую они столь страстно удерживают.

Часто отношение этих детей к вещам сужено до *коллекционирования*. И здесь мы сталкиваемся с таким же поведением, как и в ряде других случаев: вместо гармонично структурированной полноты, в которой ничто особенно не бросается в глаза, мы видим здесь дефекты и пустоты, в которых гипертрофировано что-то отдельное. Коллекционирование, в особенности та его разновидность, что характерна для детей-аутистов, является обездушенным обладанием. Они накапливают какие-либо вещи, но не для того, чтобы делать с ними что-то, играть с ними, изменять или оформлять их каким-либо образом, но лишь для того, чтобы увериться в обладании ими. Так, один мальчик шести лет хочет довести свою коллекцию спичечных коробков до 1000, и к этой цели он стремится с фанатичной энергией – но мать никогда не видела, чтобы он играл с этими коробками в железную дорогу, как это делают другие дети; другой коллекционирует красивые ленточки, которыми завязывают коробки, третий – «все», что он находит на улице или где-то прихватывает с собой, но все это не на манер приспособленного к реальности уличного мальчишки, к бездонным карманам брюк которого можно найти все, что нужно для его шалостей, – мальчик-аутист громоздит дома ящики бесполезного хлама, постоянно перекладывает вещи по-новому, бережет их подобно скряге, если мать пытается что-то выбросить, это приводит к тяжелым конфликтам. В более позднем детском возрасте эта страсть к коллекционированию посредством выбора объектов становится интереснее и разумнее, их структурирование и духовная переработка – но настоящие коллекционеры даже в зрелом возрасте бывают чудаками с явными чертами аутизма.

— И по отношению к собственному телу у детей-аутистов отсутствует правильное восприятие. То, что надо содержать себя в чистоте и выполнять для этого многочисленные гигиенические требования, донести до них очень трудно и не всегда возможно, – даже взрослые, избравшие в дальнейшем в основном профессии, связанные с интеллектуальной деятельностью, могут ходить невымытыми и неухоженными. Вплоть до окончания детского возраста они ведут себя за едой до крайности неаппетитно, испачканы с головы до пят, «рисуют» едой на столе, размышляя при этом о своих проблемах.

Характерной чертой этих детей является и *отсутствие чувства юмора*. Они «не понимают шуток», в особенности направленных против них самих (и это еще одна причина того, что их с таким удовольствием дразнят, ведь тот, кто может посмеяться над собой вместе с другими, лишает насмешку ее острия). Они не могут быть по-настоящему расслабленными и радостными, им не доступно понимание мира, приходящее из души, которое присутствует в подлинном юморе. Если они вдруг в веселом настроении, это обычно производит неприятное впечатление: взвинченные, кривляющиеся, не знающие меры; они скачут и бесятся в комнате, полностью теряют чувство дистанции, становятся навязчивыми и агрессивными. Только в одном они проявляют усердие и даже творчество – в каламбурах, начиная от искажений слов, от эффектов, которые получаются из сходства звуков, и заканчивая точно сформулированными, действительно умными и смешными высказываниями.

Но представление об этих детях было бы неверным, если бы мы видели

только описанные здесь черты и судили бы по ним. Наблюдая за этими детьми, можно увидеть и проявления, которые не позволяют так однозначно негативно судить об их чувственной сфере.

Постоянно нас удивляла сильная тоска по дому, которая проявлялась у детей при поступлении в наше отделение, для нас она поначалу никак не уживалась с другими чертами, говорившими о бедности чувственной сферы, не видеть которые было нельзя. В то время как обычные дети, даже такие, у которых была действительно настоящая сильная привязанность к родительскому дому, намного погрузив, быстро привыкают, так как вскоре начинают ощущать проявляемую к ним здесь любовь и заботу, у них появляется интерес к новой обстановке, к различным занятиям, которые заполняют день без остатка, у детей-аутистов, как правило, бывает сильнейшая тоска по дому. Целыми днями они плачут в безудержном отчаянии, особенно по вечерам эта боль подступает с новой силой, они рассказывают о родителях, которых дома так любили помучить, и о своем доме самыми нежными словами – как мы уже знаем, у них очень развитая речь, но тут они говорят с таким удивительно утонченным чувством, которое дети этого возраста обычно выразить не могут; они приводят причину за причиной, почему они не могут оставаться здесь, а сегодня же обязательно должны отправиться домой, обоснования, демонстрирующие примечательную смесь наивности и изоэтрности, они пишут молящие, ошеломляющие письма домой. И все это длится во много раз дольше, чем реакция на разлуку с домом у нормальных детей, но потом они все же привыкают и начинают комфортно себя чувствовать в обстановке непреложного порядка под продуманным и учитывающим проблемы этих детей руководством. Может быть, это граничащая с навязчиво-невротическим состоянием привязанность к вещам и обычаям домашнего окружения заставляет этих детей так тяжело переживать разлуку, то есть причиной этой реакции является сужение нормальной свободы действия, и все же эта тоска по дому демонстрирует, на какие чувства способны эти дети.

Мы видим и другие примеры подобного рода. Так у мальчика, примеры оригинальных творческих языковых выражений мы приводили выше, были две белые мыши, о которых он трогательнейшим образом заботился и за которыми он ухаживал и которых он, как он сам подчеркивал, предпочитал всем людям, – это был тот же самый мальчик, который выводил родителей из себя агрессивными выходками и утонченно издевался над младшим братом! Подобные примеры безусловно глубокой привязанности к животным или к определенным людям мы довольно-таки часто наблюдаем у детей-аутистов.

Учитывая подобные факты, проблема чувственной сферы этих детей представляется нам очень сложной. Ее нельзя однозначно трактовать, используя понятие «бездущие», то есть пользуясь количественными признаками, это в большей степени качественное отличие, инаковость, дисгармония чувств, души, иногда исполненная поразительных противоречий, столь характерная для этих детей и обуславливающая проблемы адаптации.

Наследственность

Ввиду постоянства и сформированности данного типа возникает вопрос о наследственности. Уже давно решен вопрос о том, что психопатические состояния обусловлены конституционально и могут наследоваться, однако было бы самонадеянно полагать, что можно проследить простой и ясный путь наследования: эти состояния, безусловно, являются многофакторными и связаны с несколькими единицами наследования, и поэтому попытка без натяжки разрешить

вопрос о том, передаются ли подобные состояния доминантно или рецессивно, не дает результата.

Точный анамнез семьи должен стать предметом следующей работы. Здесь же мы, суммируя, хотели бы сказать следующее: в течение 10 лет мы наблюдали более 200 детей, у которых в большей или меньшей степени была выражена картина аутистической психопатии. В *каждом* случае, когда было возможно поближе познакомиться с родителями или родственниками, мы обнаруживали в этом круге родственные психопатические черты. Иногда это были лишь отдельные аутистические особенности, но зачастую это была и полная картина аутистической психопатии, начиная от характерных внешних проявлений и неловкости и вплоть до имеющих место уже, конечно, на ином уровне проблем адаптации. В большинстве случаев у отца, если это он передал ребенку черты аутизма, интеллектуальная профессия; если вдруг среди таких отцов обнаружится ремесленник, то обычно возникает впечатление, что он неправильно выбрал профессию (см. случай 2!). Во многих случаях предки этих детей во многих поколениях интеллектуалы, в силу их особенностей сама судьба предназначила их для подобных профессий. Часто мы обнаруживали среди наших детей потомков известных династий в науке и искусстве, однако порой возникало впечатление, что от всего их величия в ребенке остались только странности и причуды, которые часто присущи большим ученым. Многие из отцов наших детей-аутистов несмотря на свои странности занимали высокое положение - и это тоже в определенной степени способствует разрешению вопроса о социальных навыках данного типа личности.

Приведенные здесь данные о наследственности позволяют с уверенностью говорить о том, что подобные состояния наследуются, а также об устойчивости данной предрасположенности, а также об особенности этого психопатического состояния, так как его передача по наследству в большинстве случаев происходит одинаково.

В связи с наследственностью здесь следует остановиться еще на нескольких вопросах.

Если мы взглянем на наших детей-аутистов с точки зрения их пола, то придем к на первый взгляд удивительному выводу о том, что это практически исключительно мальчики. И у девочек нами были обнаружены нарушения контакта, который напоминали некоторые черты аутизма, мы обнаружили и девочек, у которых причиной подобного состояния был перенесенный энцефалит (как в случае 4, Хельмут Л.), но у девочек мы не обнаружили полной картины аутизма, как ее демонстрируют случаи 1-3. Как это можно объяснить? Идет ли в данном случае речь о наследственности, связанной с полом или, по крайней мере, ограниченной полом? С чем-то подобным мы имеем дело.

Психопат-аутист – это крайний случай мужской интеллектуальности, мужского характера. Даже в рамках нормального диапазона между умом мальчиков и девочек обнаруживаются типичные различия: девочки в общем и целом лучше учатся, им нравится конкретное, наглядное, практическое, аккуратная прилежная работа, а мальчики более склонны к логике, точности мышления и формулировок, самостоятельному исследованию, для них характерна способность к абстракции. (И это также является причиной того, что в более позднем возрасте мальчики показывают более высокие результаты при прохождении теста *Vinet*, чем девочки; довольно однобокие задания логически-абстрактного характера, которые предлагаются в тесте *Vinet* для детей от 10 лет, больше подходят маль-

чикам!). У аутистов это поведение доведено до крайности. Абстракция – к которой вообще мужской ум более расположен, в то время как женщина больше чувствует и уверено действует исходя из инстинктов, – заходит столь далеко, что связи с конкретным, с вещами и людьми, в значительной степени утеряны, а приспособление к требованиям окружающего мира, которое в основном происходит посредством инстинктов, достигается в весьма незначительной мере.

В то время как мы, как уже говорилось, не встретили ни одной девочки, у которой была бы полностью выражена картина аутизма, нам встретились несколько матерей детей-аутистов, поведение которых носило явные черты аутизма. Этот факт мы не можем объяснить. Может быть, так было угодно случаю, что именно среди наших пациентов не нашлось девочек, страдающих аутизмом, – может быть, они встречаются реже, чем мальчики, – или, может быть, черты аутизма у девочек проявляются после полового созревания, этого мы не знаем.

Говоря о наших пациентах, мы приходим и еще к одному выводу: дети-аутисты в соотношении, далеко превосходящем среднестатистическое, зачастую являются *единственными детьми* в семье (и в данном вопросе точные данные должны стать достоянием последующих публикаций). Наблюдатель, судящий с индивидуально-психологической точки зрения, разумеется, объяснил бы состояние детей-аутистов исходя из ситуации, в которой находится единственный ребенок, и увидел бы в этом доказательство влияния внешней причины; он объяснил бы нарушения во взаимоотношениях с обществом, а также раннюю зрелость речи и мышления тем, что дети росли только среди взрослых и не научились приспособляться к братьям и сестрам. Родители, а часто и учителя детей-аутистов объясняют их проблемы тем, что они – единственные дети в семье. Но как и в ряде других случаев индивидуально-психологический подход путает причину и следствие. Если вы наблюдаете за тем, как растут дети-аутисты с самого раннего возраста, то можете видеть, как с самого детства определяется все их существование в описанном направлении, если вы знаете, что дети-аутисты, растущие среди братьев и сестер, развиваются абсолютно так же, как и единственные дети в семье, то такое объяснение, исходящее из экзогенных причин, покажется Вам абсурдным. Нет, то, что эти дети страдают аутизмом, не связано с неблагоприятными воспитательными воздействиями, которым подвергается ребенок, не имеющий братьев и сестер, но коренится в унаследованной от родителей предрасположенности к аутизму. Выражением аутизма в характере родителей является то, что они захотели дать жизнь только одному ребенку. Желание иметь детей в браке является, безусловно, выражением определенного убеждения, и оно у людей, находящихся в рамках нормального диапазона, подвержено изменениям и воспитательным воздействиям. Выдающимся и беспримерным в истории примером тому является наша современная немецкая действительность. Но на подобных экстремальных вариантах человеческого характера можно продемонстрировать, что желание иметь ребенка или его противоположность укоренено во влечении человека, его предопределенной биологической конституции. Отсутствие или ослабленное желание иметь детей является характерной чертой, присущей большинству личностей аутистического склада, и является еще одним симптомом их гипосексуальной сущности с ослабленными или нарушенными инстинктами. Так мы видим, что многие подобные личности проводят свою жизнь нелюдимо, без жены и детей, что ситуация в семье у многих из тех, кто вступает в брак, проблемная и напряженная, в ней

не достигается истинной гармонии влечения и духа, в которой прежде всего отсутствует пространство, в котором могло бы вырасти большое количество детей. Здесь приходят на ум слова *Klages* о «духе как враге жизни». – Таким образом, следует подчеркнуть, что то, что эти дети часто единственные в семье, в большей степени является симптомом состояния аутизма, чем его причиной.

Описание случаев, особенно первого, должно было навести на мысль о том, что между состоянием аутизма и картиной шизофрении существует определенное сходство. И должен был возникнуть вопрос о том, не имеем ли мы в случае таких отклонений от нормы как у Фрица Ф. дело с детской шизофренией. В связи с о буждением этого случая приводились дифференциально-диагностические соображения и диагноз шизофренического психоза был отклонен. То же самое верно и для других случаев, в которых отклонения не так велики, как в первом.

Следует ответить и еще на один вопрос: может быть в описанных случаях или хотя бы в некоторых из них речь идет о начальной стадии шизофрении, может быть, из нее в дальнейшем разовьется настоящий психоз? Но и на этот вопрос, основываясь на нашем материале, мы должны дать отрицательный ответ. Описанные нами состояния не показывают динамики, в основе своей останутся на всю жизнь, хотя обычно адаптация к требованиям окружающего мира и социальная адаптация становятся лучше. Нам известен только один случай, который вначале был определен нами как больной аутизмом с сильным нарушением инстинктов, но у которого через два года после нашего знакомства начался прогрессирующий распад личности, так что в настоящее время мы вынуждены были поставить диагноз гебефрении. В случае же всех остальных пациентов, некоторые из которых находятся под нашим наблюдением 20 лет и более, не был установлен переход данной формы психопатии в настоящий психоз.

С этим связан и еще один вопрос: является ли основой для возникновения описанного психопатического состояния частичная предрасположенность к шизофрении (то есть являются ли эти пациенты – при условии, что шизофрения передается мультифакторно – носителями отдельных генов, из которых комбинация предрасположенности к нескольким болезням вызывает шизофрению) или же основа этого состояния – предрасположенность к шизофрении, которая в данных случаях не проявилась? Эти вопросы помогли бы прояснить точные данные о семье; среди кровных родственников наших детей должны были бы обнаружиться больные шизофренией в количестве, превышающем среднестатистическое.

Пока же мы не можем дать полного ответа на этот вопрос и вынуждены сослаться на позднейшую готовящуюся публикацию. Пока же следует отметить, что у нас не возникло впечатление, что в окружении детей-аутистов наблюдается большое скопление больных шизофренией, и вероятно аутизм с наследственно-биологической, а значит и генетической точки зрения, не имеет ничего общего с шизофренией. И это совпадает с мнением *Schroeder* о том, что «психопаты – это не дураки наполовину или на четверть» даже с точки зрения их наследственно-биологического поведения.

Социальная ценность больных аутизмом

В данной работе мы ставили себе задачу обрисовать, на наш взгляд, до сих пор не описанное психопатическое состояние в детском возрасте. В данной главе мы выйдем за эти рамки. Возникает вопрос: что получится из детей-аутистов? Тем самым мы затрагиваем вопрос об их ценности для общества, и

это вопрос такой важности, что мы, несмотря на то что сознательно ограничили рамки работы описанием состояния аутизма в детском возрасте, не можем на нем не остановиться.

После всего вышесказанного можно ожидать, что социальная адаптация является крайне проблематичной, если вообще возможна, так как в качестве одной из сущностных характеристик данного состояния мы определили нарушение механизмов приспособления к требованиям окружающего мира. Но это ожидание оправдывается лишь в небольшом количестве случаев, и практически только в случае пациентов, у которых черты аутизма соседствуют с явной интеллектуальной неполноценностью.

В этом последнем случае дело действительно обстоит весьма печально. В лучшем случае они находят себя в профессиях подчиненного характера для аутсайдеров, зачастую это занятие непостоянно, они часто его меняют, а при неблагоприятном исходе они слоняются по улице как комичные оригиналы, запущенные совершенно гротескным образом, громко разговаривают сами с собой, беззаботно заговаривают с людьми, как это характерно для аутистов, они – объект насмешек для всех уличных мальчишек, на которые они реагируют со слепой яростью, безуспешной по отношению к их мучителям.

Совсем иначе дело обстоит с интеллектуально развитыми аутистами, в особенностями с теми, чьи умственные способности превосходят средний уровень. Конечно, и у взрослых сохраняются нарушения отношений с окружающими людьми, приводящие к характерным конфликтам в детском возрасте. Если одно старое определение называет психопатами людей, страдающих от самих себя, и от которых страдают окружающие, то в случае аутиста верна лишь вторая часть: нам очень непросто судить о том, страдают ли от самих себя эти люди, которые с таким трудом раскрываются, чья чувственная сфера столь иначе устроена и которых так тяжело постичь. В то время как с этими людьми так нелегко найти общий язык, в особенности самым близким людям, особенно супругам, как это явствует из поведения детей-аутистов, если обратить внимание на их профессиональные достижения, ваше мнение о них будет совершенно другим.

В подавляющем большинстве случаев они достигают довольно многого в профессиональном отношении, следствием чего является и хорошая социальная адаптация, часто они занимают высокие посты, часто добиваются выдающихся успехов, так что можно прийти к заключению, что никто кроме аутистов на подобное не способен. Возникает впечатление, что в качестве компенсации они наделены гипертрофированными способностями, как бы в противовес их значительным дефектам. Уверенность и пробивная способность, которые являются частью спонтанной «активности» аутистов, суженность отдельных областей их жизни до отдельных особых интересов – все это здесь становится позитивным качеством и приводит этих людей к особым достижениям в их области. Именно в случае аутистов мы видим – с гораздо большей отчетливостью, чем в случае «нормальных» людей, – что с ранней юности они кажутся предназначенными для определенной профессии, что профессия эта судьбоносно вытекает из их склонностей.

Вот один из примеров. Почти в течение трех десятилетий мы наблюдали мальчика, а затем уже и молодого человека, во всем поведении которого проявлялась картина аутизма. С детства и вплоть до зрелого возраста у него было ярко выраженное поведение аутиста. Казалось, что других людей он вообще не

замечает, столь отсутствующим он казался, подчас не узнавал даже близких знакомых. Он был крайне моторно неловким (у него в очень значительной степени наблюдались все ранее описанные трудности при обучении навыкам повседневной жизни), и в своем поведении он оставался крайне неловким и неприспособленным (так, его можно было видеть самозабвенно ковыряющим в носу в трамвае, когда он уже был молодым человеком!). В школе постоянно возникали большие проблемы, он то учился, то не учился, смотря как ему в тот момент было угодно. Он был лишен способностей в языковом отношении, при изучении греческого языка в гимназии он едва одолел начальный уровень и только благодаря другим способностям он не был отчислен.

Уже в раннем детском возрасте у него проявился совершенно необычный для подобного человека математический талант, он как бы спонтанно прорывался в нем. Задавая вопросы, от ответов на которые взрослые не могли уклониться, он овладел необходимыми ему знаниями, которые он затем самостоятельно переработал. Так, рассказывают о следующей сцене, разыгравшейся, когда ему было три года. Однажды речь зашла о многоугольниках. Мать должна была нарисовать ему на песке треугольник, четырехугольник и пятиугольник. Затем он сам берет палку, проводит линию и говорит: «Это двуугольник, правда?», - ставит точку и говорит – «а это одноугольник?». Все игры и все интересы мальчика были направлены на математику. Когда он пошел в школу, он уже умел извлекать кубический корень, при этом постоянно подчеркивается, что родители и не думали механически обучать его непонятным ему самому навыкам счета, но ребенок сам, вопреки воле родителей, буквально вынуждал заниматься с ним математикой. В гимназии он поражал своих учителей специальными знаниями, простиравшимися и в абстрактные области математики, и благодаря этому он смог без задержек получить аттестат зрелости, несмотря на свое невозможное поведение и отставание по другим предметам. Вскоре после начала своего обучения в университете – своим предметом он избрал теоретическую астрономию – он обнаружил ошибку в вычислениях Ньютона. Его преподаватель посоветовал ему положить это открытие в основу своей диссертации. С самого начала для него было очевидно, что он посвятит себя академической карьере. За необычайно короткий срок он стал ассистентом в институте астрономии и защитит докторскую диссертацию.

И подобный жизненный путь ни в коей мере не является исключением. К нашему собственному удивлению мы убедились, что аутистам, если, конечно, в интеллектуальном отношении они находятся на высоте, почти всегда удается реализовать себя в профессиональном плане, причем в большинстве случаев в профессиях, имеющих ярко выраженную интеллектуальную направленность, узкоспециализированных, многие при этом достигают высот. Они отдают предпочтение абстрактным областям знания, Среди наших пациентов много таких, чьи математические способности предопределили их профессию – помимо «чистых математиков», техников, химиков, даже чиновников мы часто находим необычные, неординарные специальные профессии, например, специалиста по геральдике, который, как говорят, является авторитетом в своей области, из наших детей-аутистов вышло и несколько весьма хороших музыкантов. Тот поначалу удивительный факт, что такие странные и сложные дети все же добиваются неплохой, а порой и превосходной социальной адаптации, при ближайшем рассмотрении представляется вполне объяснимым.

Выбор профессии является принуждением к односторонности, означает

отказ от возможностей – и многие это мучительно ощущают; многие молодые люди именно по этой причине терпят неудачу при выборе профессии, потому что, будучи в равной степени одаренными в различных направлениях, они не могут прийти к решению, им недостает силы, которая подтолкнула бы их в одном из направлений. В случае аутистов возникает впечатление, что они, сконцентрировав всю энергию, с полной уверенностью идут своим путем, который вследствие определенных склонностей для них, кажется, предопределен с детства, можно сказать, они зашорены по отношению ко всем богатейшим возможностям, которые дает жизнь. В случае таких людей также верно утверждение, что преимущества и недостатки каждого характера проистекают из одних и тех же основных черт, что положительное и отрицательное представляют собой две стороны, которые не так просто отделить друг от друга, что невозможно просто принять хорошее в характере и истребить плохое.

Мы полагаем, что и таким людям есть место в организме социальной общности, и они по праву его занимают, некоторые, может быть, делают это так, как не смог бы никто иной, – и часто это дети, которые доставляли своим воспитателям наибольшее количество проблем и забот.

Именно в случае подобных характеров мы видим, насколько даже самые аномальные личности способны развиваться и адаптироваться, как часто в процессе развития возникают такие возможности для социализации, которые ранее для данной личности никто и не мог предположить. Этот факт определяет наше отношение и наше мнение о ценности для общества сложных личностей подобного или иного рода и дает нам право и обязанность, бороться за них, отдавая все свои силы, так как мы полагаем, что только полная самоотдача любящего воспитателя может привести к успеху в подобных случаях.

Заключение

Теперь, подводя итог нашей работы, нам следует обратиться к написанному по данной тематике. Следовало бы рассмотреть, в каком отношении находится описанный нами тип детей к другим типам, описанным другими исследователями, в каких чертах имеются совпадения и различия. Мы не собираемся подробно останавливаться на возражениях против типологического подхода, который представлен во множестве работ. Мы лишь хотели бы повторить то, о чем говорили в самом начале, а именно то, что мы не верим в возможность действительно совершенной систематической типологии. Но доказательство того, что понятие типа в определенных случаях может оказаться продуктивным для познания, как мы полагаем, присутствует в данной работе.

Таким образом, нам следует привлечь для сравнения литературу о психологических типах. Там можно обнаружить определенное сходство между психопатами-аутистами и шизотимным типом *Kretschmer*, помимо этого с некоторыми формами дезинтегрированного типа *E.R. Jaensch* и, прежде всего, с типом «мыслителя-интроверта» *Jung*. Именно в описании характеров интровертов мы обнаружили много общего с описанными нами личностями детей. Ведь «интроверсия» является ни чем иным как концентрацией на собственном Я (аутизм), ограничением отношений с окружающим миром.

Несмотря на это мы считаем рассмотрение работ этих авторов в данный момент не очень плодотворным: ни один из них не говорит ничего о том – не считая кратких редких замечаний, – как вели себя описанные ими характеры в детстве. Поэтому в значительной степени отсутствует основа для сравнения, их описания находятся на совсем ином уровне, чем наше. Сравнение станет намного более

плодотворным, если мы покажем, что получится из наших детей-аутистов, когда они вырастут. И здесь мы вновь должны сослаться на объемное исследование, которое еще только должно быть написано. В нем мы намереваемся не только подробно рассмотреть наследственно-биологическую основу, но и развить тему данной работы, которая сознательно ограничена рамками детского возраста. Тогда нам и представится возможность, подробнее рассмотреть типы характеров, описанные другими авторами, выявить совпадения и различия.

Наша работа ставила своей целью описать этот тип детей с отклонениями в развитии – исходя из опыта жизни рядом с ними, приложенных педагогических усилий – и тип этот был интересен нам не только с точки зрения его своеобразия и проблем, но и в связи с тем, что он видится нам в более широкой перспективе центральных психологических, педагогических и социальных проблем.

Список литературы

Bleuler: Lehrbuch der Psychiatrie, 5. Aufl. Berlin: Springer 1930. — Das autistisch-undisziplinierte Denken. 3. Aufl. Berlin: Springer 1922. — *Hamburger*: Die Neurosen des Kindesalters. Wien u. Berlin: Urban & Schwarzenberg 1939. — *Heinze*: Z. Kinderforsch. 40 (1932). — *Jaensch. E.B.*: Grundformen menschlichen Seins. Berlin: Eisner. — Der Gegentypus. Leipzig: Jomttm Ambrosius Barth. — *Jung*: Psychologische Typen. Zurich u. Leipzig: Rascher. — *Klages*: Grundlegung der Wissenschaft vom Ausdruck. Leipzig: Johann Ambrosius Barth 1936. — Die Grundlagen der Charakterkunde. Leipzig: Johann Ambrosius Barth 1936. — *Kretschmer*: Koerperbau und Charakter. Berlin 1928. — *Schneider. K.*: Die psychopathischen Personaliteiten. Leipzig u. Wien 1934. — *Schroder*: Kindliche Charaktere und ihre Abartigkeiten, mit erlauternden Beispielen von *Heinze*. Breslau: F. Hirth 1931. — Mschr. f. Psychiatr. 99 (1938).